

ЖЕНЩИНА
ДЛЯ УДОВОЛЬСТВИЙ

ИСПОВЕДЬ ГЕЙШИ

Киёко Мурата

18+

Документальный fiction

Киёко Мурата

**Женщина для удовольствий.
Исповедь гейши**

«Азбука»

2013

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Мурата К.

Женщина для удовольствий. Исповедь гейши / К. Мурата —
«Азбука», 2013 — (Документальный fiction)

ISBN 978-5-389-32617-0

«Женщина для удовольствий» переносит читателя в Японию начала XX столетия, полную противоречий и борьбы традиций с новым временем. Юную Аои Ити продают в крупнейший бордель города Кумамото из-за семейных долгов. И хотя поначалу жизнь в квартале красных фонарей кажется ей смертным приговором, вскоре становится ясно, что даже здесь, среди грязи и пороков, остается место светлым искренним чувствам – сочувствию, надежде и настоящей женской дружбе. Основанный на реальных исторических событиях конца XIX – начала XX веков, роман повествует о тяжелой борьбе японских куртизанок за свободу выбора и человеческое достоинство. Глубокий психологизм, яркие образы и трогательная сюжетная линия делают книгу по-настоящему живой, не оставляя равнодушным ни одного ценителя японской литературы.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-32617-0

© Мурата К., 2013
© Азбука, 2013

Содержание

На волнах	7
Когда летит зола, я вспоминаю	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

笑う門には福来たる

В дом, где смеются, приходит счастье

Киёко Мурата
Женщина для удовольствий.
Исповедь гейши

#####

#####

YUJOKO by Kiyoko Murata
Copyright © 2013 Kiyoko Murata
All rights reserved.

Russian translation copyright © [Cherezova T. L.]

Original Japanese edition published in 2013 by SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd., Tokyo.
Russian language translation rights arranged with SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd. through
The English Agency (Japan) Ltd. and Anna Jarota Agency

© Черезова Т. Л., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Колибри®

На волнах

Девушка, приехавшая с южного острова, была юна, хоть уже и не считалась подростком. При ней были пара кимоно, все в заплатках – любой горожанин принял бы их за половые тряпки, – и несколько кусков материи, похожих на нижние юбки. Это все, что собрала ей мать перед тем, как девушка покинула дом, в который она уже не могла вернуться.

Остров, где родилась девушка, был с трех сторон окружен крутыми утесами; с их вершин можно было наблюдать за плавающими внизу морскими черепаками – они были крупнее людей и всегда держались по две или три. Морская вода была смесью синего и белого, словно в нее пролили молоко – все из-за серы от вулкана, высящегося на восточной стороне острова и готового в любой момент плюнуть огнем.

Девушка покинула тот южный остров, проплыла вдоль западного побережья полуострова Сацума, останавливаясь по пути в двух портах, и наконец, спустя два дня и две ночи прибыла в порт Мисуми, расположенный на большом острове Кюсю в префектуре Кумамото. Ей казалось, будто она попала в совершенно другую, чуждую ей страну.

Высадившись на сушу, девушка очутилась среди улиц, по правую и левую стороны которых возвышались великолепные дома, какие ей еще не приходилось видеть. Ее повели в огромный особняк и проводили в небольшую приемную комнату, где сидели четыре девушки примерно ее возраста. Каждую сопровождал отгаликивающего вида мужчина – видимо, те, кто «доставил» сюда юных дам. Мужчины вскоре ушли, а девушек одну за другой начали вызывать по имени. За фусумой – бумажной дверью – была следующая комната, куда им велено было идти.

Вскоре после того, как первая девушка зашла, а дверь задвинули, остальные услышали, как она тихо вскрикнула. Не громко, а как будто она удивилась или поперхнулась. В той комнате ждал мужчина – они услышали его шепот: «Не двигайся». Какое-то время ни он, ни она не издавали ни звука, а потом в тишине остальные девушки услышали слабый шорох одежды.

Спустя несколько минут дверь отъехала в сторону, и девушка вышла: волосы у нее были растрепаны, передняя часть кимоно сбилась. Придерживая полу кимоно рукой, чтобы не запнуться о подол, она прошла в угол и села. Вызвали следующую девушку, и она исчезла за дверью. Опять послышался тихий возглас удивления... или вскрик.

А потом настала очередь девушки с острова.

– Аои Ити.

– Я.

Ити шумно вздохнула, встала и настороженно вошла в другую комнату, где красивый пухлый мужчина за пятьдесят, облаченный в яркое шелковое кимоно, сидел на футоне¹, скрестив ноги. Его иссиня-черные волосы блестели от масла, лицо было светлое, а щеки красные:

¹ Футон – традиционный японский матрас, предназначенный для сна прямо на полу или на специальном каркасе. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.*

словом, он излучал здоровье и благополучие. Для Ити, выросшей на нищем острове, слово «красивый» обозначало именно таких, как он. Ее отец был худой и уродливый.

Мужчина поманил ее к себе. Она послушалась: мягкий хлопковый футон манил ее, словно гипнотизирующая лягушка змея. Он быстро повалил ее на спину и вошел в нее. Ити открыла рот и тихо вскрикнула. Больно.

Ей еще никогда прежде не доводилось испытывать такие странные ощущения. Вся «процедура» заняла секунд десять, не больше. Завершив дело, мужчина подбородком указал ей на выход. Такую проверку устраивали всем девушкам, которых купили для борделя.

Ити встала. Идти было трудно, словно между ног что-то застряло. Она проковыляла к двери, открыла ее и вышла.

* * *

Комнаты, где предстояло жить девушкам, находились на третьем этаже. Новеньким выдали предметы личной гигиены, постели и чистую одежду. Им велели выбросить все, что они привезли из дома. Новые кимоно были прекрасны – Ити на своем острове ничего подобного не видела. Остальные девушки набросили наряды себе на плечи и закружились, но Ити еще не опомнилась после той странной церемонии в маленькой комнате внизу. Эти кимоно, красивее даже новогодних, и эти футоны, набитые хлопком (на острове все спали на соломе) – все эти шикарные вещи несомненно выдали им в обмен на ту церемонию.

Ити чуяла, что штука, которую мужчина всунул в нее на той невероятной встрече, была самой важной в этом богатом особняке – тем, вокруг чего тут все вращалось. Именно из-за нее целая армия слуг проворно сновала по своим делам, женщины наряжались, фонари зажигали, а тротуар у входа обрызгивали водой. Среди всей этой суеты царственно возвышалась... та штука, которую в нее воткнули.

Девушки разговаривали с сильным акцентом.

Их продали сюда с дальнего севера – старых провинций Тикудзэн и Тикуго, близ Хидзэна и Хиго – и с дальнего юга, полуостровов Сацума и Осуми, а также с островов еще на тридцать миль дальше.

Говорить на своем родном диалекте им запретили. Если они продолжают так делать, то обслуга борделя и клиенты придут в недоумение. Здесь, в квартале красных фонарей, существовал определенный тип речи, придерживаться которого должны были все. Кагосимская² речь Ити напоминала остальным куриное кудахтанье. Прислушавшись внимательней, можно было различить следы диалекта Сацумы-Осуми. Никто не мог понять ее.

Ити могла настойчиво махать остальным девушкам и говорить «коке ко!». Только через две недели они поняли, что этот возглас, похожий на пронзительный птичий крик, означает «идите сюда!». В столовой, где раздавали еду, Ити подставляла свою миску для риса и говорила: «Ко, ке!». Это значило «дай мне это». Но с толку сбивало и то, что те же самые слова могли означать «съешь это».

От природы молчаливая Ити ограничивалась этими странными слогами, которые остальным напоминали кудахтанье.

Девушкам не сразу поручали работу. Они, подобно только что привезенным с полей овощам, были «немытые»: прежде чем их подавать к столу, с них надо было стряхнуть грязь, удалить некрасивые листья и начисто отмыть.

Веселый квартал Кумамото был самым процветающим на Кюсю. По сути, он входил в пятерку лучших заведений страны наряду с токийским Ёсиварой и киотским Симабарой³.

² Кагосима – столица одноименной префектуры, расположенной на острове Кюсю.

³ Ёсивара и Симабара – знаменитые японские районы красных фонарей.

Бордель, в который продали Ити, принадлежал человеку по имени Хадзима Мохэй, контролировавшему рисовую биржу Додзима в Осаке. Ходил слух, что стоило Хадзиме появиться в Додзиме, там тут же воцарялась тишина.

Когда Мохэй вернулся в Кумамото, то привез с собой первоклассных куртизанок-юдзё, которых он выдернул из Ёсивары и Симабары, не пожалев денег. Новых девушек обучали строго, чтобы поддерживать высокий уровень заведения. Нескольких особенных прикрепили к ойран – юдзё высшего ранга – обучаться макияжу, правильной речи и манерам.

Синомэ из Симабары была в Кумамото самой востребованной куртизанкой. Назвали ее так в честь борделя, в котором она работала, – «Синомэ»: приносившую больше всего денег ойре всегда называли «по месту работы». Она и стала наставницей Ити.

Хотя Ити едва могла выражаться по-человечески, достаточно было просто взглянуть на нее, чтобы понять, почему ее прикрепили именно к Синомэ. На ее каменистом вулканическом острове – одном из тех мест, где никого не удивила бы случайная встреча с демоном – жители происходили от двух совершенно непохожих линий: аборигенов Кагосимы с тяжелыми челюстями и южных потомков аристократического клана Тайра, в давние времена проигравших морское сражение при Данноуре. Потомки этих людей отличались классическим овалом лица – таким, как у Ити.

Синомэ с улыбкой накрашила губы Ити ярко-красной помадой:

– Право, ты могла быть моей младшей сестренкой.

Ити не знала, что за нее заплатили больше, чем за других новеньких. К тому же хорошенькие девушки с островов – то есть девушки, умеющие плавать – высоко ценились, особенно дочери ныряльщиц.

Как-то днем Синомэ устроилась у себя в комнате у окна, наблюдая за тем, как Ити, чье лицо пока еще оставалось обветренным и обожженным солнцем, полирует деревянные колонны. Перемещаясь от одной колонны к другой, Ити двигалась не так, как деревенские девушки. Те ходили, словно ящерицы, разводя бедра и выставляя ноги вперед: правая, левая, правая, левая – по параллельным линиям. Островитянки, привыкшие плавать в море, тесно сдвигали ноги, и их шаги образовывали одну прямую линию. У таких девушек была сильная нижняя часть тела.

– Что ловят в море на твоём острове? – спросила Синомэ.

– Моху поймать моль, та водрос, та рбу, – ответила Ити, обернувшись к ойран.

Ответ был почти невнятным. Она имела в виду моллюсков, водоросли и рыбу.

Ити улыбнулась.

Синомэ ответила улыбкой:

– Не «моху», а «могу». Повтори за мной: «могу».

Ити повторила.

– А как тебя зовут? – Синомэ почесала голову длинной шпилькой.

Уставившись на наставницу, Ити напрягла память. Она почти забыла!

– Кодзика.

Ей присвоили это имя совсем недавно. Остальным девушкам также дали новые имена: Когин, Кикумару, Ханадзи, Умэкиги. Она не знала, как они пишутся. Ее обучили только иероглифам собственного имени, которое означало «оленок».

Девушкам необходимо было научиться многому.

Постельные техники имели первостепенное значение, так что каждое утро, после того как они позавтракают, приберутся на кухне, закончат уборку и стирку, их интенсивно обучали в небольшой комнате наверху с застланным футонами полом. Обучением руководила Отоку, старуха, которой поручили готовить новеньких. Она учила их с бамбуковой линейкой в руке.

Девушки из дешевых борделей, незнакомые с техниками юдзё, отдавали инициативу и позволяли клиентам делать с их телами – этим драгоценным товаром, – что им захочется. В

результате юдзё теряли силы и получали травмы половых органов... и не только их. Чтобы девушки научились направлять клиентов так, как удобно им самим, Отоку брала на себя то роль клиента, то роль куртизанки, знакомя их с приемами – четкими, утонченными, изысканными и действенными.

Они смотрели, затаив дыхание.

Спускаясь как-то вниз после очередного кружащего голову урока, Ити подняла глаза вверх и увидела обширное голубое небо. Если бы только она могла взлететь над крышами, то занырнула бы в это небо как можно глубже и уплыла на свой остров. Вот только Ити не птица, так что не может вспорхнуть и устремиться в бескрайнюю свободу неба.

Без разрешения девушкам нельзя было выйти даже за громадные ворота, находящиеся в конце улицы квартала красных фонарей. Ити порой казалось, что она живет в Рюгу-дзё – подводном дворце морского божества, – странном Рюгу-дзё, где не танцуют ни морской окунь, ни камбала.

* * *

– Пока!

– Я ушла!

После обеда девушки отправлялись в специальную школу для юдзё – женщин для удовольствий. У каждой был узелок с грифельной доской, бумагой и пеналом с чернильным камнем, чернильной палочкой и кисточкой. Завидев Ити, Отоку побежала за ней и схватила ее за локоть, заставив взвизгнуть от боли. Ити опустила взгляд и поморщилась.

– Куда это ты собралась босиком? – спросила Отоку.

На острове никто не носил сандалии. Ити уставилась на свои ноги – на пальцы, выставленные на воздух. Ее учительница тоже отругала бы ее за то, что она пошла в школу вот так.

– Только кошки и собаки не носят сандалии! – крикнула Отоку.

Вот только на острове сандалии никто не надевал. Больше того, ее мать и старшая сестра были амами⁴ и даже на суше носили только узкую набедренную повязку. Правда, Ити понимала, почему Отоку злится. Клиенты приходят сюда не для того, чтобы купить себе женщин, которые разгуливают босиком.

– Ты что, собака? Кошка? Веди себя по-человечески!

Ити бросилась в дом за сандалиями, а потом пошла в школу с остальными девушками.

Женская мастерская размещалась в современном кирпичном здании. Название школы было вырезано на большой деревянной вывеске. Ассоциация владельцев борделей основала эту школу весной 1901 года, за два года до прибытия Ити, чтобы давать образование женщинам, работающим в веселом квартале. В местной газете написали, что на открытии выступил начальник полиции, а записались в школу 330 юдзё и барменш.

Вне зависимости от возраста учениц распределяли в соответствии с их способностями по восьми классам: «Цветок сливы», «Цветок сакуры», «Цветок махровой сакуры», «Магнолия», «Пион», «Глициния», «Хризантема» и «Клевер луговой». Преподавали шесть предметов: мораль, чтение, каллиграфию, сочинение, икебану и шитье. Юдзё посещали занятия пару раз в неделю, отталкиваясь от своего графика занятости.

Ити с остальными девушками записали в класс «Цветок персика» – дополнительный класс, который каждый месяц принимал новеньких. Никто из них пока не начал работать, так что они ходили в школу почти каждый день. Класс «Цветок персика» сосредоточивался на каллиграфии и сочинении. Срочно требовалось исправить жуткие акценты девушек и обучить их писать клиентам традиционные письма тушью и кисточкой. Они собирались в первой ком-

⁴ То есть с островов Амами – группы островов в Тихом океане, входящей в состав островов Рюкю.

нате за входом – в классе средних размеров, с рядами длинных и узких письменных столов на три человека каждый и тонкой тростниковой циновкой на полу.

Девушки доставали грифельные доски и вежливо приветствовали учительницу – женщину под сорок лет по имени Акаэ Тэцуко. По слухам, в прошлом у ее отца, прямого слуги сёгуна⁵, настали тяжелые времена после падения сёгуната Токугава и наступлением новой эры Мэйдзи, и он продал ее в токийский квартал Ёсивара. Спина у нее была прямая, говор какой-то особенный. Она редко улыбалась.

Сегодня был урок каллиграфии, так что Акаэ Тэцуко аккуратно подвязала рукава кимоно, чтобы они не мешали. Она встала у доски и мелом написала два кандзи⁶:

– Сегодня мы научимся читать и писать названия различных вещей вокруг нас, – объявила она. – Вот обозначение солнца, которое освещает землю днем. Утром солнце выходит и делает мир ярким. Когда вечером солнце заходит, мир становится темным. Солнце – источник света. Правда же, эти иероглифы дают вам ощущение силы?

Таким был ее стиль обучения.

Затем она написала один кандзи. Он, как объяснила Тэцуко, обозначает луну, которая выходит на ночное небо после захода солнца и наступления темноты. Луна сияет прекрасным бледным светом, но сама не может давать свет.

Они учила их писать по очереди основные слова: гора, река, дерево, море, ветер.

Ити привлекли иероглифы «солнце». Они казались одновременно надежными и броскими. По сравнению с ними иероглиф «луна» выглядел жалким, словно ветер в любой момент может продуть его насквозь и опрокинуть.

Иероглиф «море» оказался сложным и неаккуратным. Наверное, потому, что в море столько жизни, подумала она: и моллюски, и рыбы, и водоросли, и черепахи, и дельфины, и еще всякое. Тут она вспомнила, что около острова плавали не только морские черепахи, но и стаи дельфинов. Они были громадные, больше отцовской лодки, но глаза и рты на широких дельфиньих лицах всегда улыбались. Ити с нежностью вспомнила, как плавала с ними в море.

Учительница снова взяла мел и написала кандзи «отец», «мать», «старший брат», «старшая сестра», «младший брат» и «младшая сестра». Когда она объясняла эти слова, у многих учениц на глаза навернулись слезы при воспоминании об оставшихся дома родных.

– Мы все появились на свет благодаря отцу и матери. Обстоятельства заставили вас покинуть дом, но вы не должны винить своих родителей. Как бы больно вам ни было, страдания родителей, тоскующих по своему ребенку, гораздо сильнее.

Девушки молча плакали. Ити увидела, что в «море» есть иероглиф «мать», и вспомнила нагие тела ам, светлее даже дельфиньих, и как они плывут в освещенном солнечными лучами море.

Да, ее мать постоянно находилась в море. Она была меньше дельфина, но больше рыбы и плавала так легко и грациозно, что казалась невесомой, однако при этом она способна была нырнуть ко дну со скоростью урагана. В воде, рядом с другими ныряльщицами в одних только набедренных повязках, она была неотличима от остальных.

Да, было несколько женщин, отличающихся крупными грудями, колышущимися при ходьбе, но все же у большинства грудь была небольшая, а само тело – подтянутое, будто созданное для плавания, без излишеств. Вне воды они выглядели юными девушками. Благодаря плаванию у них были широкие плечи и сильные руки, а вот грудь оставалась как у пятнадцати- или шестнадцатилетних девушек, и из-за задержки дыхания при нырянии животы были плоскими и подтянутыми, как у юношей.

⁵ Сёгун – высший военный титул в японской феодальной иерархии, который присваивался главнокомандующему вооруженными силами государства; сёгуны имели право управлять страной от имени императора.

⁶ Кандзи – китайские иероглифы, заимствованные японским языком и используемые в современной японской письменности наряду с двумя азбуками – хираганой и катаканой.

Слеза упала на иероглиф «море» перед Ити.

– А теперь возьмите доски и напишите свое имя, – сказала учительница. – Я уже вам показывала, как это делается, так что вы наверняка справитесь.

Ити коряво написала «Аои Ити». Ее имя получилось похожим на выложенных в ряд рыбок. Не иероглифы, а маленькие живые существа, затаившие дыхание. «Это я, – подумала она, уставившись на доску. – Я целиком. То, как я приплыла с острова, как меня сюда продали». Вся ее история была здесь, в «Аои Ити». Ей захотелось погладить написанное.

Девушка справа от нее написала «Мацуяма Сэцу», девушка слева – «Танака Риу». Им всем было сказано, что на вопрос о том, как их зовут, они впредь должны называть то новое имя, которое им дал хозяин борделя, что им надо забыть свое прошлое. Однако в школе учительница первым делом показала им, как писать их настоящее имя. Это было необходимо, чтобы каждая из них смогла прочесть обязательство, в котором будут указаны условия их долга.

Говорили, что владелец заведения, куда продали Акаэ Тэцуко, не знал, что с ней делать. Будучи образованной дочерью самурая Токугава, она то и дело перечила как самому хозяину, так и клиентам. Лицо у нее было смуглое, лоб необычайно большой и выпуклый, глаза маленькие и запавшие, а взгляд – пронизывающий. Она не привлекала клиентов. Ее единственными талантами были каллиграфия и знакомство с «Беседами и суждениями» Конфуция. В итоге она работала на кухне, в прачечной и со счетами, и срок ее службы оказался вдвое длиннее обычного.

Когда ее наконец отпустили, она оказалась в Хакате⁷ на Кюсю и работала счетоводом в веселом квартале Янагимати, где к ней и обратился Хадзима Мохэй из «Синономэ». Наверное, Акаэ Тэцуко была идеальной кандидатурой для преподавания в Женской мастерской.

– А теперь напишите имя, которое вам дали здесь, – сказала она.

Девушки стерли с грифельных досок свои настоящие имена и написали новые, постукивая мелом.

Ити не смогла вспомнить кандзи своего нового имени и вместо этого написала его фонетически, каной⁸. Девушки по обе стороны от нее написали свои имена иероглифами: некрасиво, но правильно.

– Что такое? Я только вчера тебе показывала!

Учительница написала на доске Ити: «Кодзика».

– Я не олень.

– Ничего подобного, – сказала девушка по имени Когин. – Просто значит, что ты милая как олененок, да?

Ити это не успокоило.

Учительница велела им убрать грифельные доски.

– А теперь возьмите лист бумаги и подготовьте тушь.

В конце урока они должны были сделать запись в дневнике.

– Не пытайтесь писать красивые фразы. Пишите, что хотите – и так, как будто разговариваете со мной.

Давным-давно, когда Тэцуко только продали, ее подруга (которая оказалась в такой же ситуации) пронесла в узелке с одеждой «Собрание старых и новых песен»⁹ и другие произведения классики, полученные в наследство от матери. Эти книги, которые они читали каждый день, стали фонарем, освещавшим им путь через море проблем. В тот год, когда ее

⁷ Хаката – район и исторический порт города Фукуока, расположенного на острове Кюсю.

⁸ Кана – японская слоговая азбука, состоящая из двух видов: хираганы (округлой) и катаканы (угловатой), которые взаимозаменяемы для записи слогов.

⁹ «Собрание старых и новых песен» – название японской поэтической антологии Кокинвакасю (сокращенно Кокинсю), одного из самых значительных памятников классической японской литературы.

подруга закрыла контракт с Ёсиварой, один молодой человек, сын бывшего самурая клана Тоса, выпускник Токийского императорского университета¹⁰, влюбился в нее и женился на ней, и она по итогу уехала с ним в Германию. Как же сложилась ее жизнь и где она сейчас?

«Что бы ни случилось, мы не станем опускать голову», – пообещали они друг другу, обмениваясь книгами.

Возвращаясь из мыслей о тех далеких днях, учительница перевела взгляд от окна на столы, за которыми сидели девушки. Аои Ити уже дописала и протягивала свой листок. «Она всегда сует мне свою работу как вызов. Маленькая командирша».

**15 мая Аои Ити
Забывала сандалии,
Обозвали псиной, кошкой.
Мои папа и мама они
Ходят босиком на острове.
Здесь я ношу сандалии.
Обутые сандалии делают тебя человеком?**

Акаэ Тэцуко посмотрела на Ити и представила себе родителей девушки, полуголых, разгуливающих на острове. Она промолчала, не зная, что сказать. Уже тогда было ясно, что Аои – сильная девочка со свободолобивым нравом.

* * *

Занятия заканчивались в половине четвертого. Затем примерно до шести вечера девушки купались и тщательно наряжались.

Однажды Ити стала причиной происшествия.

После школы она как обычно вернулась в комнату ойран Синономэ, объявив о своем приходе у двери. Вместо своего прежнего птичьего языка она уже могла изъясняться на приемлемом японском.

Когда она отодвинула фусуму, то увидела, что Синономэ лежит на футоне, широко раздвинув ноги, а вторая ойран, Мурасаки, удаляет ей с лобка волосы. При виде длинных белых ног Синономэ Ити ахнула и попятилась в коридор. Лежа на спине, Синономэ с улыбкой поминала ее.

– Все хорошо. Садись и смотри.

– Угу, – Ити села.

– Женщине надо ухаживать не только за своим лицом, – объяснила Синономэ. – Волосяный пах некрасив и мешает в постели. Бритва оставляет щетину, которая может оцарапать клиента, так что пинцет лучше всего.

При каждом выдернутом волоске Синономэ тихо стонала и морщилась. Мурасаки орудовала пинцетом умело, безостановочно выдергивая волосок за волоском.

Наблюдая за ними, Ити вспомнила, как на острове взрослые чинили на берегу рыбацкие сети. Если сети порвутся, то драгоценный улов уйдет, так что когда сети вытаскивали, то их расстилали сушиться и деловито зашивали иголкой с нитками. Рыбацкие сети и промежность Синономэ одинаковые?

Мурасаки оставила пучок волос наверху и удовлетворенно кивнула:

– Просто шик!

¹⁰ Токийский императорский университет (сейчас известен как просто Токийский университет) – старейший и один из самых престижных вузов Японии, основанный в 1877 году; является ведущим научным и учебным центром, занимающим высокие позиции в мировых рейтингах.

Безволосый лобок Синомэ стал похож на кальмара с ресницами. Довольно противно на самом-то деле.

После этого Синомэ встала, пригладила рукой волосы и посмотрела на Ити так, словно ее внезапно осенило. Ити передернуло.

– О, знаю! Покажись-ка. Я твой еще ни разу не видела, но волосы у тебя на голове иссиня-черные, так что, похоже, внизу вообще страх.

Мягко надавив ей на плечи, Синомэ хотела ее уложить.

Ити отпрыгнула назад:

– Нет, сама, только не я!

– Хочешь, чтобы это сделала старая Отоку? Она порой зверствует.

Мурасаки снова взялась за пинцет и потянула Ити за руку.

Удалять волосы самостоятельно трудно. Чтобы себе не навредить, девушки в борделе обращались за помощью друг к другу.

– Не трогай меня! – сказала Ити на своем диалекте.

С неожиданной силой для таких тонких рук Мурасаки схватила Ити и завалила на фuton. Они с Синомэ перевернули ее на спину и раздвинули ей ноги, навалившись с двух сторон. Ити бессильно заверещала, словно ее душат.

– Че делаете-то? Сволочи! – взвыла она.

Со всей силы она лягнула Мурасаки в лицо, так, что та отлетела назад. Второй ногой она пнула Синомэ в грудь, а потом вскочила и выбежала из комнаты в распахнутом кимоно.

– Кодзика убегает! – закричала Мурасаки.

Ити с топотом неслась вниз по лестнице.

От мощного пинка тренированной пловчихи щека у Мурасаки покраснела и опухла, а Синомэ, получившая удар в грудь, осталась лежать: она не могла даже пошевелиться. Внизу лестницы встал привлеченный криками широкоплечий управляющий, преграждая путь наружу. Он поймал Ити и остановил – но ненадолго.

Ити впилась зубами в одну из обхвативших ее рук, так что управляющий вскрикнул и ослабил хватку. Она вылетела на улицу босиком, но там ее поймали несколько мужчин, которые привязали ее к колонне на кухне.

Синомэ никак не удавалось отдышаться, что вызвало новую волну криков. Послали за врачом. К счастью, с ней все оказалось в порядке, но ей и Мурасаки пришлось дать отпуск. Если бы у одной из них сломалось ребро, убытки были бы огромными.

Управляющий отправился к хозяину борделя, чтобы доложить о непозволительной жестокости девушки.

Хадзима Мохэй вышел и ударил Ити кулаком раза четыре.

Когда у нее из глаз посыпались искры, а голова пошла кругом, он крикнул ей в ухо:

– Послушай меня: исправься и делай, что тебе говорят, иначе ты умрешь не в своей постели!

Это была не пустая угроза. Недовольный непокорностью девицы, Мохэй говорил вполне серьезно.

Ити обмякла, так что ее развязали. Повреждать тело юной девушки – ценный товар – никто не хотел.

* * *

Учительница изумленно воззрилась на дверной проем.

Когин, Кикумару, Ханадзи и Умэкиги подняли головы от своего задания. Вечер был уже близко, и у них шел урок письма.

Ити скользнула внутрь жалкой тени. Все знали про ее выходку – и теперь потрясенно смотрели на нее. С лица у нее еще не сошли синяки, губа была разбита.

– Ты пришла заниматься, да? – учительница обняла ее за плечи.

Ити кивнула и заняла свое место. Посмотрев на остальных, она последовала их примеру: достала бумагу и принялась растирать тушь на чернильном камне¹¹.

С Ити все вели себя настороженно. Рядом с ней Когин начала было что-то говорить, но тут же передумала.

Ити вытянула шею и прочла то, что написала Когин.

18 мая Танака Риу
этим утром пришла посылка из дома
нижнее кимоно в заплатках нижняя юбка в заплатках
соломенные сандалии
што с ними делать?

Бедные семьи не могли послать дочерям что-то ценное. Ити это насмешило, и она захотала. Она поправила бумагу перед собой и взялась за кисточку, затем посмотрела в окно и увидела, что сегодня солнце опять ярко светит на голубом небе.

Она решительно повела кистью по листку.

18 мая Аои Ити
Хозяин говорил со мной.
Ошился.
Не умру я в постели
Умру на волнах.

Учительница, Когин, Кикумару, Ханадзи и Умэкиги смотрели Ити через плечо и изумлялись тому, что она написала¹².

¹¹ Тушь для каллиграфии и живописи готовят растиранием бруска туши с небольшим количеством воды на специальной площадке – чернильном камне.

¹² Историческая справка: события, описываемые в произведении, относятся исключительно к эпохе Мэйдзи (1868–1912 г.), в рамках которой наблюдался расцвет проституции. Юдзё (##) – собирательное название куртизанок и проституток, занимавшихся своей деятельностью в специальных кварталах развлечений («юкаку»). Возраст вступления девочек в профессию зависел от социального статуса семьи и региона Японии. Обычно девочки начинали обучение с раннего детства (около 8–10 лет), однако само начало карьеры наступало позже, в 14–15 лет (официальный возраст сексуального согласия в Японии наступал в 13 лет вплоть до 2019 г.). В 1956 году японским правительством был принят закон о запрете проституции.

Когда летит зола, я вспоминаю

Прошел месяц, за ним еще один. Девушек, прибывших одновременно с Ити, выставили напоказ, словно овощи, которым придали должный вид, смыв с них грязь и расправив листья. Никто не поверил бы, что эти девицы, наряженные в шелковые кимоно, с уложенными в прическу волосами, с побритыми и напудренными лицами и накрашенными губами – нищие селянки, недавно проданные в бордель.

Только Ити, девушка с острова, пока не начинала работать. Днем Когин, Кикумару, Ханадзи и Умэкити вместе с ней писали на грифельных досках в школе, а вечером сидели за деревянной решеткой в передней части дома, принимая клиентов. Ити же в своей комнатке наверху крепко спала сном младенца, раскинув руки и ноги, не подозревая о постельных играх, которые поблизости вели ойран и ее покровитель.

Ити еще пару лет считалась бы слишком юной, чтобы занимать клиентов, но эта причина была не единственной. У владельца борделя Хадзимы Мохэя были на нее планы. Юдзё имели несколько рангов. Конечно, и в обычной жизни у женщин существовала негласная иерархия, однако среди женщин для удовольствий ранжирование было более открытым и жестоким, поскольку связывалось с их денежной оценкой. Мужчины, посещавшие заведения, также подвергались определенной классификации: каждый из них выбирал себе юдзё по своим средствам, соответствующую определенным стандартам.

Только мужчины с деньгами в кармане могли пройти через высокие красные ворота у входа в хорошо огражденный веселый квартал и вступить на его территорию. За ее же пределами находился пустырь на окраине города. Там не было борделей, лишь протекала река, и время от времени ее воды выносили тело проститутки, которая бросилась в нее. Женщины стояли под ивами с соломенными циновками подмышкой и зазывали проходящих мужчин: «Проведи со мной часок, а?»

Этих низкосортных проституток, появлявшихся ночью, называли совами или ночными феями. Мужчины, чьи карманы были почти пустыми, могли купить одну из них за десять сэн¹³ и сделать с ней свое дело на обочине.

За главными воротами комнату и женщину можно было получить на ночь всего за одну иену и тридцать сэн. В чуть более престижном заведении, где предлагали еду и напитки, цена составляла две-три иены. В первом классе борделе услуга главной ойран – той, что носила имя заведения – не имела твердой цены. На таком высоком уровне цены были одновременно размытыми и сурово-реальными. Особое положение занимали избранные клиенты, платящие ежегодный взнос за эксклюзивное право пользования услугами. С них не брали денег за ночь, проведенную с женщиной, – вместо этого на них ложились личные расходы ойран, ее прислуги и помощниц, а также оплата ее роскошного образа жизни. Еду, которую подавали Ити, ее одежду и развлечения оплачивали покровители Синономэ.

¹³ Сэн – монета Японии, достоинством 1/100 иены.

Хадзима Мохэй мечтал выпестовать группу высококлассных куртизанок – молодых женщин, способных доставить клиенту неземное блаженство в постели, очаровать знанием книг и поэзии, а также пленить своими умениями в разнообразных областях искусства, включая танцы и чайную церемонию.

Ойран особенными делало прежде всего тело, с которым женщина родилась. Красота и здоровье были, конечно, важны, но решающим считалось строение ее половых органов. Мохэй использовал классификацию «отлично», «хорошо», «заурядно». Ниже «заурядно» было «плохо», что, конечно же, означало дисквалификацию. Выше «отлично» были еще две категории, «превосходно» и «несравненно». Ити получила оценку «несравненно».

– Кто? Та дикая обезьянка? – Тосэ, хозяйка борделя, недоверчиво покачала головой. Ее супруг Мохэй, лично оценивавший тело Ити в тот первый день, был единственным, кто мог давать оценку.

– Больше никакой беготни босиком, как кошка или собака, – сказала Тосэ Ити, глядя, как та натирает пол перед комнатой Синомомэ. – Во всем слушайся ойран и научись от нее всему, чему сможешь.

Поза девушки шокировала Тосэ. «Она похожа на собаку: голова опущена, задница поднята», – пронеслось у нее в голове.

– Становись на корточки, когда натираешь пол! – и Тосэ шлепнула Ити по задранной попе.

– Научиться? – неуверенно переспросила Ити. – Чему научиться?

– Всему! – объявила Синомомэ нараспев. – Как убираться, как ходить, как говорить, как шить и читать, как проводить чайную церемонию и писать стихи. Всему этому – и еще много чему.

– Зачем мне всему этому учиться?

– Потому что тебе следует знать больше, чем обычным женщинам.

Ити не понимала. Кем рассчитывает стать юдзё, научившаяся всему этому? Женщина, хорошо овладевшая каллиграфией и стихосложением, будет знать больше, чем жены покровителей ойран. Ити мысль о подобном идеале показалась пугающей и отталкивающей. Какой ей-то прок становиться вот такой?

Мать Ити прекрасно ловила рыбу и моллюсков, но на суше едва умела разговаривать. Ей и не нужно было особо разговаривать с людьми. Она ничего не смыслила в чтении или письме. Такие знания для нее были бы бесполезными.

Ити прервала уборку и посмотрела на Синомомэ снизу вверх, снова подумав о том, как сильно молочно-белая кожа ойран напоминает кальмара.

– Ну знаете... моя мама никогда ни у кого не просит денег, – мать Ити не была юдзё, – и она кормит моего папу и нас всех.

Ее мать ничего не тратила на себя и кормила семью. Амы обычно зарабатывали больше, чем их мужья. Ити считала, что по сравнению с проститутками, которые ведут почасовую торговлю своими телами, жизнь ее матери отнюдь не была жалкой.

Синомомэ, обходительная и редко сердившаяся, лукаво улыбнулась:

– Ясно! Значит, твоя мать делает это даром? Бедняжка... Ей приходится каждый день работать с утра до вечера, чернея под солнцем, а сверх того она еще должна спать ночью с твоим отцом – но не получать при этом никакой платы?

Синомомэ со своим нежным, бледным, сияющим лицом и удивленно открытыми глазами стала еще сильнее походить на огромного белого кальмара.

– Послушай меня, Кодзика. Запомни. Юдзё принимает клиента только в течение оговоренного времени. Это называется контрактом. Когда время заканчивается, клиент уходит. После этого она просто может с облегчением убирать futon. Остальное время принадлежит ей – как и ее тело. По моим представлениям, юдзё свободнее всех на свете!

Ити промолчала. Ей начало казаться, что Синономэ может оказаться права. У нее в голове стоял туман.

Синономэ продолжила:

– А вот женам, наоборот, приходится постоянно угождать мужьям. Муж заваливает жену, когда только захочет, и не платит ей ни гроша. Она вынуждена рожать детей и работать, как выучная лошадь. Лошадям не платят. Им только дают немного корма. И чем твоя мать там, дома, отличается от лошади или коровы?

Ити онемела. «Нет!» – мысленно возмутилась она. Нарисованная Синономэ картина была совершенно неправильная. Ее мать, темнолицая, с грудями, похожими на маленькие плоды, и крепкими сильными бедрами, была подобна рыбке, а вовсе не лошади или корове. Лошади и коровы шли, куда их ведут, а ее отец никуда не водил маму. Это она решала, куда идти.

Синономэ умело подбирала слова. Хорошо соображала. Ити задумалась о том, кто умнее: Синономэ или школьная учительница Акаэ Тэцуко?

* * *

Ити уже освоила много иероглифов. Она могла написать иероглиф «сика»¹⁴ – олень из своего имени «Кодзика» (одиннадцать штрихов¹⁵), «гин» – серебро из имени «Когин» (четырнадцать штрихов) и «кику» – хризантема в имени «Кикумару» (одиннадцать штрихов). А вот двадцатиштриховый иероглиф «тэцу» – железо в имени их учительницы – ей никак не давался.

– Тебе не обязательно писать мое имя, – сказала Тэцуко, которая по обыкновению аккуратно подвязала рукава своего кимоно. – Мы будем учить те слова, которые вам понадобятся в жизни.

Юдзэ полезно было знать только те иероглифы, с помощью которых можно было писать избранным клиентам. Если иероглифы будут похожи на кривые гвозди или извивающихся червяков, клиенту станет противно. Однако если девушка умеет красиво и ровно рисовать линии, то постоянный клиент может очароваться знаниями юдзэ и жениться на ней. Такое уже случилось. Образование могло помочь юдзэ начать новую жизнь.

Каждый день в веселый квартал приходил посыльный, который забирал написанные женщинами письма и разносил их. Синономэ, Мурасаки и другие успешные ойран каждый день писали по четыре-пять писем изящными иероглифами. Каждое утро Синономэ вслух читала написанное, говоря, что это помогает ей увидеть неудачные или повторяющиеся выражения.

С тех пор как мы расстались в ночь осеннего полнолуния, на сердце у меня было необъяснимо тяжело, моя душа не знала покоя. Молю вас впредь не удостаивать меня посещениями в те ночи, что освещаются ярким лунным светом. Думаю, что расставаться влюбленным следует в полной темноте. В темноте ничего не видно: после расставания остается только печаль, и в одиночестве моей комнаты я полна сумрака, сумрака сердца, который я хотела бы сохранить до конца моих дней.

¹⁴ Как уже говорилось ранее, имя Кодзики состоит из двух иероглифов – # («ко», «ребенок») и # («сика», «олень»). При соединении этих двух иероглифов происходит *рэндаку* – особенность японского языка, при которой в некоторых ситуациях глухой начальный согласный корня становится звонким, если перед корнем стоит другой корень или приставка.

¹⁵ Каждый кандзи состоит из определенных штрихов (линий, черт), складывающихся в радикалы – простейшие символы кандзи (в свою очередь, иероглиф может состоять из одного или нескольких радикалов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.